

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

А.А. ЧИБИС

ВЕРХОВЫЕ ЧУВАШИ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 34

А.А. Чибис

**ВЕРХОВЫЕ ЧУВАШИ:
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ
И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2021 год

Чебоксары — 2022

УДК 84(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)
Ч-58

Научный редактор **Г.А. Николаев**

Чиби́с А.А.
Ч-58 **Верховые чувашы: некоторые итоги и задачи изучения** / А.А. Чиби́с; науч. ред. Г.А. Николаев. — Чебоксары, 2022. — 40 с. — (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 34).

В докладе подведены итоги изучения происхождения этнографической группы верховых чувашей, намечены новые перспективы исследования данной проблемы.

УДК 84(470.344)
ББК 63.3(2Рос.Чув)

© Чиби́с А.А., 2022
© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2022

ВВЕДЕНИЕ

Важной особенностью многочисленных народов Российской Федерации является наличие в их составе внутренних этнических подразделений: 1) субэтносов; 2) этнографических групп. Под первым термином принято видеть часть этноса, имеющую этнографические, языковые особенности, особую территорию формирования, самосознание. Представители субэтносов имеют двойную идентичность — «свою особую и “большого” этноса»¹. Под вторым понятием имеется в виду «обособленная часть народности или нации, культура и быт которой сохраняет некоторые особенности». Она является продуктом «ассимиляции народностью или нацией инонациональных групп» или же слияния «племен в народность», когда эти племена сохраняют «некоторые характерные черты»². Но в отличие от членов субэтноса, представители этнической группы не являются носителями обособленного национального самосознания³.

Деление на субэтносы представлено внутри таких народов Волго-Уральского региона, как волго-уральские татары (казанские татары, касимовские татары, мишари)⁴, мордва (эрзя и мокша), марийцы (горные, луговые и восточные)⁵. Что касается чувашей, то «они обладают целостным этническим самосознанием, имеют единый этноним *чйваш*»⁶. Поэтому в составе чувашского народа отсутствуют субэтносы, но присутствуют этнографические группы, локализуемые, прежде всего, территорией проживания относительно течения Волги. Это верховая (*вирьял, тури*), низовая (*анатри*) и средненизовая (*анат енчи*) группы⁷. Соответственно, верховые чуваша занимают, в основном, северную и северо-западную части Чувашии, низовые — ее юго-восточные и южные земли, на отдельных участках выходя за их пределы и размещаясь в смежных районах Татарстана и Ульяновской области. Средненизовые чуваша расселены на северо-восточных территориях Чувашской Республики⁸.

Наличие внутри чувашского этноса территориальных подразделений было отмечено этнографами еще в XVIII в. Академик П.С. Паллас писал о том, что чуваша, живущие на левой стороне Волги, «всем на гористой стороне находящимся деревням придают название *перьял*, а сами себя *хирдиял* называют»⁹.

Под выделенными этнонимами подразумевались *вирьял* и подгруппа низовых чувашей, проживавших на Каме и именовавшиеся *хирти*, то есть степными¹⁰. В 1852—1853 гг. чувашский писатель С.М. Михайлов также зафиксировал деление чувашей на верховых и низовых, назвал уезды и губернии, где они проживали, и отметил, что основным признаком отличия первой группы от второй было присутствие в costume и поведенческих стереотипах («манерах») *вирьял* марийских (черемисских) заимствований¹¹.

Информация о территории расселения, особенностях материальной культуры, поведения и традиций *вирьял* и *анатри* в 1911 г. была существенно дополнена этнографом Г.И. Комиссаровым¹². На основании замеченных им специфических черт costume и диалекта он же идентифицировал на территории между местами основного «соприкосновения» двух названных подразделений чувашей их третью, среднюю группу *анат енчи*, которая ранее не рассматривалась как самостоятельная¹³. Кроме того, Г.И. Комиссаров впервые сделал заключение о присутствии внутри каждой из трех названных этнографических групп отдельных территориальных подгрупп, которым были присущи собственные диалектные и этнографические особенности. Так, по его мнению, в составе верховых чувашей насчитывалось три подгруппы: северо-западная, средняя и юго-восточная¹⁴. В 1930 г. диалектолог Т.М. Матвеев на основании дополнительного изучения культурно-бытовой специфики, costume и языка предложил выделить из состава средней подгруппы *вирьял* четвертую, так называемую «курмышскую» (западную) подгруппу¹⁵.

Перечисленные и некоторые другие работы о чувашах, написанные в дореволюционную эпоху и начале советского периода, по своей сути были этнографическими и лингвистическими исследованиями, основанными на соответствующих материалах, современных авторам¹⁶. В отдельных трудах (например, Г.И. Комиссарова) были представлены краткие исторические очерки о чувашском народе, содержащие, в том числе гипотезы о его происхождении. История же возникновения и эволюции этнографических групп чувашей практически не рассматривалась.

Впервые вопросы их генезиса с разной степенью подробности были затронуты на двух научных сессиях о происхожде-

нии чувашского народа, проходивших, соответственно в 1950 и 1956 гг., в докладах исследователей, представляющих разные научные дисциплины: археологию, историю, этнографию, языковедение и антропологию. Они придерживались разных теорий этногенеза чувашей — автохтонной (первая сессия)¹⁷ и болгарской (вторая сессия)¹⁸. На каждом из заседаний было констатировано, что чувашский этнос и его этнографические группы сложились в результате этнических контактов в Чувашском Поволжье: автохтонных финно-угорских, прежде всего марийских, племен (субстрата) и позднее пришедших на эту территорию тюрков — волжских болгар (суперстрата)¹⁹. Причем было подчеркнуто, что в наибольшей степени взаимодействие двух этнических компонентов повлияло на формирование верховых чувашей. Мнения исследователей разошлись главным образом по поводу формирования этнографической группы *вирьял*. Одни из них находили последним продуктом преобладающего влияния финно-угорского субстрата, другие — тюркского суперстрата.

Историография этногенеза чувашского народа получила освещение в трудах В.Ф. Каховского²⁰, В.Д. Димитриева²¹, В.П. Иванова²². В этнографических исследованиях, в том числе новейших, обобщены результаты изучения истории всех трех вышеназванных групп²³. Однако историография истории каждой из них отдельно не рассматривалась. Цель настоящего доклада — подвести итоги исследования формирования этнографической группы верховых чувашей, определить дальнейшие перспективы изучения темы. Выбор объекта исследования обусловлен в том числе и тем, что в генезисе *вирьял*, в большей степени, чем в этногенезе двух других групп чувашей, проявил себя такой важный фактор, как взаимовлияние двух разных этногенетических компонентов.

По своей структуре доклад состоит из трех разделов, каждый из которых посвящен итогам изучения следующих сюжетов: 1) определение начального этапа взаимодействия субстрата и суперстрата при формировании этнографической группы *вирьял*; 2) оценка результатов данного взаимодействия; 3) происхождение территориальных подгрупп верховых чувашей.

І. ХРОНОЛОГИЯ РАССЕЛЕНИЯ В ЧУВАШСКОМ ПОВОЛЖЬЕ ВОЛЖСКИХ БОЛГАР И НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ГРУППЫ ВЕРХОВЫХ ЧУВАШЕЙ

1.1. Постановка проблемы

Общепризнано, что древним автохтонным населением Чувашского Поволжья были финно-угорские племена, предки современных марийцев и отчасти мордвы. Одним из доказательств данного утверждения является наличие в пределах северной и центральной Чувашии значительного пласта марийской топонимики. В 1967 г. марийский филолог И.С. Галкин указал на значительное присутствие (67 названий) в пределах Чувашии, прежде всего, северной ее части, по линии Шумерля — Ибреси — Комсомольское большого количества гидронимов марийского происхождения с окончаниями *-нер (-нар)* (от марийского *нер* — «река») ²⁴. Чувашский языковед М.Р. Федотов пришел к выводу, что ойконимов на *-анар/-енер, -нар/-нер* на территории Чувашии насчитывается 54. Они имеют отношение к населенным пунктам, в которых проживают чувашивирьялы. Расположены в 12 районах: Чебоксарском, Цивильском, Ядринском, Мариинско-Посадском, Козловском, Вурнарском, Урмарском, Аликовском, Канашском, Красноармейском, Шумерлинском, Красночетайском ²⁵. Он же указал на присутствие в чувашской топонимике ряда других формантов финно-угорского происхождения: *-мара, -мере, -кар* и др. ²⁶ На основе анализа ойконимического материала ученый сделал заключение «о продолжительном проживании на территории северных районов современной Чувашии более или менее компактных марийских племен» ²⁷.

Археологами были выдвинуты две основные концепции расселения марийцев на правобережье среднего течения Волги. Первая из них, сформулированная московским археологом А.П. Смирновым и господствовавшая в середине — второй половине XX в., гласила, что финно-угорское население уже в начале нашей эры заселяло указанную территорию и проживало в пределах последней вплоть до конца I тысячелетия н.э. ²⁸ Согласно второй версии, обоснованной в начале 2000-х гг. марийским археологом Т.Б. Никитиной, марийские племена,

вышедшие из областей Волго-Окского междуречья, расселились на средневожском правобережье только в VI—XI в.²⁹, то есть либо незадолго до появления на Средней Волге болгар, либо одновременно с ними.

Так или иначе, но в историографии этногенеза чувашского народа именно марийцы обозначены как автохтонный субстрат верховых чувашей, вступивший в этнические взаимоотношения с пришлым тюркским суперстратом. Следовательно, первоочередной задачей исследования происхождения этой группы является изучение вопроса о начальном этапе таких связей, который, в свою очередь, определяется временем расселения болгар в Чувашском Поволжье смежно с финно-угорскими автохтонами. Поэтому сюжет о такой хронологии представителями различных школ этногенеза чувашей был рассмотрен одним из первых.

1.2. Дискуссия о начальном этапе расселения болгар в Чувашском Поволжье

В 1948 и 1950 гг. московский археолог П.Н. Третьяков обосновал положение о том, что в период до татаро-монгольского завоевания Волжской Булгарии (X — середина XIII в.) болгары заселяли только юго-восточную часть Чувашии, о чем свидетельствовало присутствие на указанной территории домонгольских болгарских городищ у деревень Большая Таяба и Тигашево на р. Була (Яльчикский и Батыревский р-ны). Здесь гунно-болгары, представлявшие союз различных племен, смешались с местными автохтонами, являвшимися потомками древней хвалынской (срубной) культуры, и положили начало формированию низовых чувашей³⁰. Но, по мнению ученого, область формирования и проживания верховых чувашей в состав Волжской Булгарии не входила, так как «в северных районах Чувашской АССР остатки болгарской культуры почти неизвестны... Никаких городищ болгарского характера и валов на земле чувашей-вирьялов не имеется»³¹.

В 1948 и 1951 гг. с выводами П.Н. Третьякова первоначально согласился А.П. Смирнов, указавший, что северо-восточная часть Чувашии лежала вне границ Булгарского государства, при этом отметив, что ее население находилось под сильным

влиянием болгар³². В 1956 г. казанский этнограф Н.И. Воробьев указал, что болгары активно стали проникать в Чувашское Поволжье только после завоевания Волжской Булгарии в XIII в. монголо-татарами, и это проникновение, по его мнению, еще более активизировалось и расширилось во второй половине XIV — начале XV в., когда левобережные болгарские земли подверглись разгрому золотоордынскими феодалами³³.

Иная точка зрения о хронологии появления болгар в пределах территории, где проживали верховые чуваша, была выдвинута на состоявшейся в 1956 г. в Чебоксарах сессии о происхождении чувашского народа. В своем докладе чувашский историк В.Д. Димитриев утверждал, что на север Чувашии, в среду обитания марийских племен «заметные струи» болгар стали проникать уже с X в.³⁴ Участвовавший в сессии А.П. Смирнов, в противоположность своему прежнему мнению, высказал предположение о занятии болгарами западных районов Чувашии еще в домонгольский период³⁵. Последний вывод ученый развил в последующих работах по археологии Чувашского Поволжья, указав в них, что всю его территорию болгары заняли уже к IX—X вв.³⁶ Исследователь мотивировал свое мнение присутствием в северной и центральной Чувашии ряда памятников, которые он, на основании датировки керамики и других находок, отнес к раннеболгарским, в том числе селища и городища у: д. Криуши (Козловском р-н), д. Каршлыхи (Моргаушский р-н), д. Янмурзино (Красноармейский р-н), д. Таутово (Аликовский р-н), с. Яндашево (вошло в состав г. Новочебоксарск) и д. Большое Янгильдино (Чебоксарский р-н)³⁷.

Эти аргументы были поддержаны и дополнены учеником А.П. Смирнова, чувашским археологом В.Ф. Каховским³⁸. В 1960-х гг. он же впервые выступил с утверждением, что в результате раннего проникновения волжских болгар (IX—X вв.) на территорию проживания в средневолжском правобережье древних марийцев было положено начало формированию верховых чувашей³⁹. По мнению В.Ф. Каховского, группа *вирьял* стала старейшей этнографической группой чувашского народа. Начальный этап складывания группы низовых чувашей ученый относил к XIII в., а средненизовых — к эпохе Казанского ханства⁴⁰.

Заключение В.Ф. Каховского о хронологии генезиса верховых чувашей вступило в противоречие с выводами других ученых. А.П. Смирнов считал численность болгар, проникших в правобережные лесные и северные районы, незначительной, и утверждал, что они лишь соприкасались с местными племенами, мирно жили с ними в течение многих веков⁴¹. В обобщающем труде по истории Чувашии В.Д. Димитриев и И.П. Паньков также писали о том, что в домонгольский период Чувашское Поволжье входило в состав Волжской Булгарии, но в его северной половине не было преобладания болгаро-сувазского населения⁴².

Предположение о сравнительно небольшой численности волжских болгар, поселившихся на территории северной Чувашии в домонгольскую эпоху, логически вызвало вопрос о степени их влияния на местные финно-угорские племена. Было ли оно достаточным, чтобы положить начало формированию группы верховых чувашей в указанный период?

Ответ на него следует искать в результатах последующих исследований археологов и историков.

В 1965, 1971 гг. представители казанской археологической школы Т.А. Хлебникова и Р.Г. Фахрутдинов выступили с критикой версии о раннем заселении болгарами Чувашского Поволжья, мотивируя это тем, что керамика, обнаруженная в Большеянгильдинском и других вышеназванных селищах, относится не к домонгольскому периоду, как это считалось ранее, а к XIII—XV вв.⁴³ Согласно выводу Р.Г. Фахрутдинова, «территория Чувашии ни в домонгольское, ни в золотоордынское время не была занята болгарским населением, кроме ее юго-восточной части, связанной с бассейном реки Свияги»⁴⁴.

В 1974 г. московский археолог Ю.А. Краснов на основании анализа тех же артефактов, а также находок в древнем Чебоксарском поселении также заключил, что начало проникновения болгарского населения в основные районы Чувашии можно пока уверенно отнести ко времени около XIII в. Более ранняя дата очень спорна⁴⁵. Впоследствии татарские и чувашские археологи признали точку зрения Ю.А. Краснова вполне обоснованной⁴⁶.

Альтернативные аргументы оппонентов и коллег не заставили В.Ф. Каховского отказаться от версии домонгольского

заселения болгарами Чувашии, о чем он вновь написал в своих работах, изданных в 1970-х — начале 1990-х гг.⁴⁷ Но к своему прежнему мнению о раннем формировании группы верховых чувашей он уже не вернулся.

Вопрос о хронологии происхождения *вирьял* получил свое разрешение в работах других исследователей, прежде всего, историков и этнографов. В 1980-х — 2000-х гг. В.Д. Дмитриев подробно изучил историю разгрома болгарской земли войсками золотоордынских ханов и русских князей во второй половине XIV—XV вв. Ученый пришел к выводу, что к началу 1430-х гг. левобережные болгарские города и селения полностью запустели, уцелевшие жители стали переселяться в лесные районы Приказанья и Заказанья, а также на правобережье, в северные и центральные районы Чувашии⁴⁸. Следовательно, наиболее существенный приток болгарского субстрата на правобережье пришелся на XIV — первую половину XV в. Соответственно, в своих работах по истории этногенеза чувашей, написанных на рубеже XX—XXI вв., В.Д. Дмитриев заключил, что начальный этап формирования чувашского этноса и его верховой группы приходится на XIV в.⁴⁹

В 1993 г. этнограф П.П. Фокин предложил следующую периодизацию складывания этнографических групп чувашского народа: *анат енчи* — XIII—XV вв., *вирьял* — XIV—XVI вв., *анатри* — XV—XVII вв.⁵⁰ Эта хронология в целом была поддержана В.П. Ивановым⁵¹, который, тем не менее, в одном из новейших трудов не исключил возможности формирования низовой и верховой подгрупп еще в домонгольский период⁵². Но в свете рассмотренных выше данных подобное предположение можно считать лишь гипотетическим, тем более, что сам автор в той же работе указывал, что *вирьял* сложились в XV в.⁵³

Таким образом, в современной историографии этнической истории чувашского народа по вопросу о начале генезиса его верховой этнографической группы преобладают следующие выводы: 1) ее складывание началось не ранее XIV — начала XV в. под влиянием наиболее значительного притока болгар в пределы Чувашского Поволжья; 2) по времени своего формирования она является второй после средненизовой подгруппы.

II. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЮРКСКОГО СУПЕРСТРАТА И ФИННО-УГОРСКОГО СУБСТРАТА: ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТОВ

2.1. Воздействие суперстрата на субстрат: культурно-языковое влияние или ассимиляция?

Второй и основной проблемой изучения формирования верховых чувашей стала оценка результатов этнического взаимодействия болгар и финно-угров в северной и северо-западной частях Чувашского Поволжья. Одним из первых исследователей, высказавшихся по данному вопросу, был П.Н. Третьяков. В 1948 г. в сравнительно небольшом обзоре древнейших археологических памятников Чувашии он выступил с мнением, что основными предками *вирьял* явились автохтонные, то есть финно-угорские племена, которых «лишь слегка коснулось культурное воздействие Булгарского царства», но они, по видимому, сохранили свою «этническую чистоту»⁵⁴. Согласно выводам ученого, в течение XIV—XVI вв. *вирьял* укрепили свою близость с соседями-*анатри*, которые испытали значительно большее влияние болгар, что привело к образованию чувашского народа⁵⁵.

В докладе на сессии сторонников автохтонной теории в 1950 г. П.Н. Третьяков высказал предположение, что «тюркизация некоторых племен Волго-Камья» началась задолго до появления в этом регионе болгар. Поэтому после прихода последних в Среднее Поволжье, несмотря на их меньшинство, тюркский язык одержал окончательную победу, был воспринят местными предками чувашей, в том числе и *вирьял*, которые, однако, несмотря на изменение языка, сохранили свою древнюю, то есть финно-угорскую культуру⁵⁶.

Выводы П.Н. Третьякова были поддержаны Н.И. Воробьевым. В этнографическом исследовании, представленном на той же сессии, он затронул предшествующую историографию этногенеза чувашей, в том числе и болгарскую теорию, выдвинутую в начале XX в. лингвистом Н.И. Ашмариним. Приведенные Н.И. Ашмариним доказательства близости языка чувашей к языку болгар Н.И. Воробьев нашел «серьезными», но недостаточными для решения вопроса о происхождении чувашей без привлечения всего комплекса исторических материалов,

«среди которых не последнее место должны занимать и данные по быту»⁵⁷. На основании подробного анализа особенностей жилища, питания, обрядов, одежды, других элементов быта чувашей ученый также пришел к следующим основным выводам: 1) о сложении чувашского народа в XII—XIV вв. в результате сближения местных племен с болгарами; 2) о наличии в составе чувашской материальной культуры двух пластов: а) южного, заимствованного у болгар; б) местного, унаследованного от автохтонных финских предков.

Н.И. Воробьев писал, что местные параллели в наибольшей степени присутствовали в быту верховых чувашей, которые уже после своего формирования сохраняли тесную связь с горными марийцами, в результате чего у двух народов «произошла настолько сильная нивелировка быта, что, например, русские исторические источники в XVI в., знакомые с народами Поволжья еще поверхностно, обычно верховых чувашей называли «горными черемисами»⁵⁸.

Итак, П.Н. Третьяков и И.Н. Воробьев доказывали, что группа *вирьял* окончательно сформировалась в XV в., ее этническую основу составили проживавшие на севере Чувашского Поволжья финно-угорские племена, которые заимствовали от болгар тюркский язык, но сохранили значительный пласт традиционной материальной культуры. Наличие последнего и стало для названных ученых главным доказательством автохтонного происхождения верховых чувашей.

Оба исследователя со ссылкой на недостаточное количество имевшегося в их распоряжении источникового материала предлагали не считать свои заключения окончательными, а использовать их при дальнейшем изучении происхождения чувашского народа⁵⁹.

Уже через несколько лет выводы представителей автохтонной школы были подвергнуты серьезной критике сторонниками болгарской теории. На сессии 1956 г. была выдвинута концепция происхождения чувашского народа и его этнографических групп в результате ассимиляции болгарскими племенами автохтонного финно-угорского населения Чувашского Поволжья. В качестве ее обоснования, прежде всего, были приведены результаты анализа чувашского языка и этнографических данных. Лингвист Н.А. Андреев (Урхи) указал на то, что фин-

но-угорские племена не могли составить этническое ядро чувашей, так как чувашский язык в основе своей является тюркским, а в его верховом диалекте обнаруживаются «некоторые более древние черты, чем в низовом»⁶⁰. Соответственно, финно-угорские племена в формировании чувашского народа участвовали не в качестве основного компонента, а вошли в его состав как второстепенный элемент и ассимилировались⁶¹.

Этнограф П.В. Денисов не отрицал присутствия в чувашской культуре финно-угорских форм, но доказывал, что они проникли в нее не на начальном этапе этногенеза чувашей, а возникли «сравнительно поздно, в процессе образования чувашской народности, в значительной своей части в результате ассимиляции местного финно-угорского населения пришлыми булгарами-сувазами в X—XIII вв. и более поздних взаимоотношений верховых чуваш с марийцами»⁶².

В.Д. Дмитриев высказал мнение, что ассимиляция болгарам автохтонов Чувашского Поволжья проходила в два этапа: 1) домонгольский, когда «к началу XIII в. местное марийское население было в значительной мере ассимилировано пришельцами»⁶³; 2) золотоордынский: XIV—XV вв., когда в результате массового переселения болгар на правобережье ими была завершена ассимиляция аборигенов северной Чувашии⁶⁴. Несомненно, мнение В.Д. Дмитриева было учтено В.Ф. Каховским, который также называл раннюю ассимиляцию болгарам финно-угров главным источником формирования группы *вирьял* уже в IX—X вв.⁶⁵

К середине 1960-х гг. В.Д. Дмитриев пересмотрел свои прежние взгляды на хронологию влияния болгар на автохтонов Чувашии (см. раздел 1.2). В вышедшей в 1964 г. статье ученый констатировал, что многие историки при описании событий, происходивших на территории Чувашии во второй половине XVI — XVII в., называли и называют марийцами ее нерусских жителей, ссылаясь на то, что последние фигурируют в источниках как «черемисы» или «горная черемиса»⁶⁶. И это отождествление делается без учета указаний дореволюционных исследователей Н.С. Арцыбашева, С.М. Михайлова, В.К. Магницкого о необходимости подразумевать под «черемисами» в уездах Чувашии (Ядринском, Чебоксарском и др.) прежде всего чувашей. Проанализировав ряд документов

XVI—XVII столетий, относящихся к Чувашии, В.Д. Дмитриев дополнительно аргументировал, что в них под названием «горная черемиса» фигурируют этнические чуваша. Он писал о том, что в северной Чувашии финно-угорские племена, родственные марийцам, «превалировали до XIII в., хотя уже в IX—X вв. и сюда проникали значительные массы болгаро-чувашского населения. Полное заселение чувашами северной половины территории современной Чувашии произошло в XIII—XIV вв.» в результате событий, связанных с разгромом болгарской земли. Тем не менее русские летописцы, а затем и дьяки по прежней традиции еще долго называли земли восточнее Суры и Ветлуги «черемисскими», а обитателей этих земель — «черемисами»⁶⁷.

Сформулированные в 1950-х — первой половине 1960-х гг. точки зрения сторонников автохтонной и болгарской теорий происхождения чувашского народа и его этнографических групп получили неоднозначную оценку представителей различных научных школ. Выводы П.Н. Третьякова и Н.И. Воробьева о культурном влиянии волжских болгар на автохтонные финно-угорские племена были признаны правильными только казанскими археологами (Н.Ф. Калининым, А.Х. Халиковым, Р.Г. Фахрутдиновым и др.)⁶⁸, но своего дальнейшего развития и общего признания не получили.

Поддержка второй версии первоначально сопровождалась логическими расхождениями. В своих работах специалист по этнографии народов Среднего Поволжья К.И. Козлова указала на ассимиляцию болгарами марийцев⁶⁹. По мнению исследователя, «одним из результатов этой ассимиляции было образование своеобразной группы чувашей-*вирьялов*. Преобладание в культуре *вирьялов* горномарийских черт свидетельствует о том, что основу их этнического ядра составили марийцы»⁷⁰. Однако такая весьма краткая оценка не содержит в себе логичных объяснений, как «ассимилированный» субстрат мог составить «этническое ядро» образовавшейся в процессе ассимиляции этнографической группы.

В 1958 г. этнограф С.А. Токарев в своем общем труде по истории этнографии народов СССР также утверждал, «что основу чувашского этногенеза составляли древние аборигенные племена, близкие к предкам восточно-финнских народов,

и обитавшие главным образом в северо-западной части Чувашии». Тем не менее, он признавал, что и болгары сыграли большую роль в формировании чувашей, и последние восприняли болгарский язык⁷¹.

Причина таких противоречий заключалась, на наш взгляд, в том, что версии о культурном влиянии болгар на финно-угров или об ассимиляции первыми вторых первоначально были сформулированы неконкретно и достаточно широко, без учета теоретических рекомендаций о содержании каждого из двух названных процессов. В последующие годы под влиянием новых исследований, прежде всего в сфере археологии и исторического языкознания, были выдвинуты другие оценки результатов взаимодействия тюркского суперстрата и финно-угорского субстрата в процессе этногенеза верховых чувашей.

2.2. Версия «органического синтеза» финно-угорского субстрата и тюрко-болгарского суперстрата

Происхождение новых версий формирования верховых чувашей было связано с разработкой так называемых *кивё сáва* — языческих кладбищ XVI — начала XVIII вв., расположенных преимущественно в пределах расселения *вирьял* в северных и северо-западных частях Чувашии: Новоядринского, Верхнеачакского (Ядринский р-н), Каршлыхского (Моргаушский р-н), Яндашевского (Мариинско-Посадский р-н) и других подобных могильников.

Проводившие их раскопки и исследования чувашские археологи В.Ф. Каховский, М.И. Федулов, С.А. Краснов, этнограф А.А. Степанова, а также Т.Б. Никитина, Ю.А. Краснов и другие ученые отмечали, что погребальные обряды (трупоположение, глубина могил) и артефакты (костюмные украшения, головные уборы, инвентарь и др.) сочетают в себе черты, присущие не только *вирьял*, на территории которых располагались могильники, но и марийцам и, отчасти, мордве⁷².

В 1974 г. на основании результатов раскопок Новоядринского могильника XIV/XV — XVI/XVII вв. Ю.А. Краснов указал, что: 1) болгарские элементы не могут считаться результатом только культурного влияния со стороны Волжской Булгарии, а органически сочетаются с местными элементами, и не

носят характера внешних заимствований; 2) анализ археологического материала не позволяет говорить ни о полной ассимиляции пришельцами-болгарами местного финно-угорского населения, ни о растворении пришельцев среди местных племен⁷³.

Таким образом, Ю.А. Краснов высказался против версий формирования чувашского народа и его верховой группы, предложенной сторонниками как автохтонной, так и болгарской версий. По его мнению, чувашский этнос сложился в результате органического синтеза финно-угорского субстрата и тюркоязычного суперстрата, начавшегося в XIII в., когда болгары начали проникать в Чувашию, и завершившегося в XVI в. С учетом теоретических рекомендаций известных этнографов В.П. Алексеева и Ю.В. Бромлея ученый констатировал, что «процесс формирования чувашского этноса следует относить к весьма распространенному типу взаимоотношений двух этносов, при котором создается новый этнос с языком суперстрата, но с преобладанием физического типа и наличием (если не преобладанием) многих элементов культуры субстрата»⁷⁴. Такой результат был обусловлен численным преобладанием субстрата, но более совершенным уровнем языка суперстрата.

Версия Ю.А. Краснова получила как поддержку, так и критику представителей различных научных школ. В 1985 г. с одобрением его выводов о формировании чувашей в результате органического сочетания суперстрата и субстрата, несостоятельности мнения о быстрой ассимиляции тюрками финно-угорских племен выступил специалист по марийской диалектологии Д.Е. Казанцев⁷⁵.

По мнению Т.Б. Никитиной, «в районах северной Чувашии, несмотря на то, что в языке чуваш доминантной являлась тюркская основа, в этносе (материальной и духовной культуре) долгое время сохранялись местные этнические субстраты»⁷⁶. Таким образом, она фактически согласилась с мнением Ю.А. Краснова о преобладании в среде *вирьял* материальной культуры финно-угров и доминировании языка тюрков. Но в отличие от предшественника, Т.Б. Никитина утверждала, что процесс формирования *вирьял* в XVI в. только начался, а не завершился.

Положения Ю.А. Краснова не остались без внимания сторонников болгарской теории и оказали заметное влияние на

их прежние концепции. Первоначально (в 1984 г.) В.Д. Дмитриев критически оценил эту версию как результат автотонного подхода и указал на то, что «предположение о малочисленности в составе чувашей болгар, ассимилировавшихся восточно-финское население, не может быть признано обоснованным»⁷⁷. Заметим, однако, что выводы Ю.А. Краснова о малочисленности болгар, переселившихся на волжское правобережье, находят свое подтверждение в трудах самого В.Д. Дмитриева, который писал, что в результате разгрома болгарской земли «не менее 4/5 болгаро-чувашского населения было уничтожено». Уцелевшие болгаро-чуваши частью расселились в Нижнем Предкамье, Приказанье и Заказанье, а частью переселились в северную и центральную Чувашию⁷⁸. Несомненно, численность последних переселенцев не могла быть большой, тем более преобладать над численностью проживавших в Чувашии финно-угров.

Однако, по мере дальнейших разработок названных погребальных комплексов, точка зрения представителей болгарской школы претерпела изменения. В 1991 г. В.Ф. Каховский на основе анализа артефактов Верхнеачакского могильника XVI—XVII вв., указал, что в его погребениях «наблюдается сочетание финно-угорских и тюркских элементов», что «в формировании северо-западной подгруппы верховых чувашей субстратный компонент образовали финно-угорские племена — мордва-эрзя и горные мари». Но, исходя из своих прежних взглядов, В.Ф. Каховский считал это формирование результатом взаимной ассимиляции и перекрестных браков⁷⁹.

В 2004 г. В.Д. Дмитриев сделал аналогичный вывод, что во второй половине XIV — XVI в. «в северо-западной части нынешней Чувашии путем брачных связей и совместного проживания произошло наиболее интенсивное смешение чувашей с горными марицами, в результате чего образовалась группа верховых чувашей — *вирьял*»⁸⁰.

Сложность результатов этнического взаимодействия финно-угорских аборигенов и болгар была отмечена и чувашскими этнографами. Характеризуя происхождение *вирьял*, П.П. Фокин писал: «...болгаро-чуваши, будучи в социально-экономическом плане более продвинуты, чем древняя мордва и мари, поглотили аборигенное население», но в их духовной

и материальной культуре сохранилось много финно-угорских элементов⁸¹. В.П. Иванов подчеркнул, что две основные группы чувашей — верховые и низовые — сформировались в XVI в. «в условиях многовекового генетического и культурного взаимодействия различных групп болгаро-чувашей с финно-уграми»⁸².

Таким образом, на рубеже XX—XXI вв. под воздействием альтернативных концепций сторонники болгарской школы, ранее опиравшиеся на не отличающуюся конкретикой версию ассимиляции болгарями финно-угорских автохтонов, скорректировали и уточнили ее, с учетом сложности и разнообразия вариантов взаимодействия двух разных этнических компонентов. Была еще раз подтверждена прежняя хронология формирования этнографической группы верховых чувашей: XIV—XVI вв.⁸³

2.3. Вопрос о степени влияния миграции марийского субстрата на особенности формирования верховых чувашей

В 1956 г. в коллективной монографии по этнографии чувашей Н.И. Воробьев высказал мнение, что в процессе формирования *вирьял* часть марийцев, проживавших в северо-западной части Чувашского Поволжья, была вытеснена на левый берег Волги пришедшим с северо-востока субстратом⁸⁴ (см. раздел 3.1).

В докладе на сессии 1956 г. и в последующих работах В.Д. Димитриев также предположил возможность частичного вытеснения болгарями финно-угорского населения средневожского правобережья на левобережье. Несомненно, ученый рассматривал эту миграцию как один из результатов процесса ассимиляции болгарями автохтонов Чувашского Поволжья⁸⁵.

Таким образом, на начальном этапе своих дискуссий сторонники автохтонной и болгарской теорий чувашского этногенеза были убеждены, что какая-то часть марийцев не вошла в состав верховых чувашей, а покинула правобережный регион. При этом Н.И. Воробьев и В.Д. Димитриев предполагали, что численность мигрантов была сравнительно небольшой.

В последующие годы рассмотрение данного вопроса было продолжено в трудах представителей марийской научной школы.

В 1985 г. Д.Е. Казанцев выступил с утверждением о значительном расселении древнемарийских племен на правобережье среднего течения Волги, в том числе и на территории Чувашии, в доболгарский период. По мнению исследователя, после прихода в Чувашское Поволжье в XIII в. болгар, начался отток проживавших в его пределах марийцев на левобережье Волги, о чем свидетельствуют чувашские заимствования в левобережных марийских говорах; взаимодействие болгар с оставшимися автохтонами привело к завершившемуся в XVI в. формированию чувашского народа⁸⁶. Тем не менее, Д.Е. Казанцев полагал, что в начале XVII в. марийцы продолжали находиться в Чувашии в пределах Алатырского, Курмышского, Свияжского, Цивильского и Ядринского уездов, где они фигурировали в русских источниках под этнонимом «горные черемисы», но в конце указанного столетия были окончательно ассимилированы чувашами и русскими или переселились на левый берег⁸⁷.

Версия о присутствии марийцев («горных черемис») в Чувашском Поволжье еще в XVII в. была поддержана Т.Б. Никитиной⁸⁸.

В 2006 г. специалист по исторической географии марийского народа Г.А. Сепеев также высказался о том, что после монголо-татарского нашествия и распада Золотой Орды болгаро-чувашское население массово переселилось на правобережье, «вытеснило и частью ассимилировало часть марийцев в восточной части Сурско-Свияжского междуречья»⁸⁹. Вторая половина XVI в., по мнению исследователя, явилась «заключительным этапом переселения марийцев в левобережье Марийского края», чему в немалой степени способствовало их стремление избежать повинностей, налагаемых Русским государством⁹⁰.

Лингвист М.Р. Федотов на основании анализа топонимов горномарийского происхождения в левобережных районах Марийской АССР, согласился с выводами Д.Е. Казанцева о том, что «территория расселения марийцев на правом берегу Волги в XVI—XVII вв. была достаточно обширной и не ограничивалась пределами современного Горномарийского района»⁹¹. Он же указывал, что «занятие болгарами земель марийцев на правобережье Волги (XIII в.) привело к интенсивному процессу обоюдной этнической ассимиляции. Главным же ее результатом оказалось образование чувашского этноса, завершившееся

к XVI в., а также массовое переселение марийцев на левобережные притоки Волги»⁹². Однако исследователь не обозначил конкретно территорию, где мог преобладать процесс ассимиляции, а где — переселения.

Из других работ заслуживает внимания вышедшая в 2018 г. статья лингвиста А.В. Савельева о чувашско-марийских контактах. Автор полагал, что «вопреки распространенному заблуждению» марийский субстрат в чувашском языке является «относительно незначительным», возникшим в результате того, что «в начале булгаризации марийцы Чувашии отчасти были ассимилированы пришельцами», в то время как основная масса марийского населения примерно в XIV в. переселилась на левый берег Волги⁹³.

Таким образом, в течение последних двух десятилетий получили обоснование версии о проживании марийцев как самостоятельного этноса в пределах средневожского правобережья в XVI—XVII вв. и об их последующей массовой миграции на левобережье. Это может свидетельствовать о снижении количественного состава финно-угорского компонента в формировании верховых чувашей.

Определить, какой из процессов (ассимиляция, организационный синтез или миграция субстрата) оказал большее влияние на формирование верховых чувашей можно, прежде всего, с помощью оценки степени влияния каждого из них на подгруппы *вирьял*.

III. ОБРАЗОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПОДГРУПП ВЕРХОВЫХ ЧУВАШЕЙ

3.1. История формирования терриотории

Вопрос о формировании подгрупп верховых чувашей и территории их проживания в историографии долгое время отдельно не рассматривался, затрагивались лишь отдельные моменты этого процесса. Так в 1956 г. Н.И. Воробьев и В.Д. Дмитриев указывали, что основной приток суперстрата *вирьял* на северо-запад Чувашии состоялся в XIV — первой половине XV в. из северо-восточных областей этого региона.

Однако, если первый из названных ученых считал, что основу суперстрата составили автохтонные племена, уже вос-

принявшие шедшее с юга болгарское влияние⁹⁴ и тюркский язык, то второй доказывал, что мигрантами были волжские болгары, которые первоначально населяли юго-восток Чувашского Поволжья и левобережье болгарской земли, но затем, под угрозой погромов, стали переселяться сначала в центр и северо-восток Чувашии — бассейн реки Цивилия, а затем в ее северо-западные районы, где ассимилировали марийцев⁹⁵.

В 1983—1988 и 1993 гг. В.Д. Димитриев издал свод чувашских исторических преданий, в которых привел ряд устных, а иногда и документальных сведений по истории селений верховых чувашей: их возникновении, борьбе жителей с татарами и др.⁹⁶ Представленные данные свидетельствуют о том, что многие населенные пункты в землях *вирьял* возникли достаточно давно, еще в эпоху Золотой Орды или Казанского ханства, в некоторых преданиях получило отражение совместное проживание и слияние чувашей и марийцев⁹⁷.

В 1992 г. вышло краеведческое исследование Л.И. Иванова, посвященное истории формирования этнографических групп и подгрупп чувашского народа, в том числе и верховых, ставшее одной из первых работ, специально посвященных данной теме. Автор предложил для конкретизации обозначения территорий расселения этнографических подгрупп использовать реально существующие географические объекты (реки, крупные населенные пункты). Соответственно, в его работе верховая средняя подгруппа получила название выла-волжской, юго-восточная — межцивильской, западная — красночетайской и северо-западная — сундырской⁹⁸. Исходя из выводов В.Ф. Каховского о раннем заселении болгарами всей территории Чувашии и публикаций В.Д. Димитриева, Л.И. Иванов выделил два основных этапа формирования подгрупп и территории их проживания: первый: IX—XV вв., когда в северо-западную Чувашию стали проникать волжские болгары и ассимилировать автохтонное марийское население; второй: XVI—XVII вв., когда представители различных подгрупп стали переселяться на земли своих соседей и основывать новые селения.

Согласно заключению автора, межцивильскую подгруппу стали формировать в XIII в. чуваша-болгары, переселившиеся с низовий Камы, в XVI—XVII вв. свою роль сыграли переселенцы с выла-волжской подгруппы и аниш-цивильской

подгруппы средненизовых чувашей. Поэтому межцивильская подгруппа является прямым продолжением аниш-цивильской средненизовкой подгруппы⁹⁹.

Выло-волжская подгруппа сформировалась под влиянием болгар, переселившихся в XIII—XIV вв. с левобережья Волги, затем чувашей, вышедших с юго-востока Чувашского края¹⁰⁰. По мнению Л.И. Иванова, именно в местах расселения этих подгрупп, прежде всего выла-волжской, произошла значительная ассимиляция болгарами ранее проживавших там же марийцев или переселение последних на левобережье¹⁰¹. Наиболее активно этот процесс проходил в пределах выла-волжской подгруппы: ее северной части (ныне приволжские и центральные земли Чебоксарского р-на) и так называемого Большого Прицивилья (Красноармейский р-н)¹⁰².

Другие особенности происхождения исследователь выявил у сундырской и красночетайской подгрупп. Согласно его выводам, в пределах будущего проживания сундырской подгруппы болгаро-чувашаи поселились в IX—XIII вв., но по причине особенности географического расположения данного района были оторваны от основной массы чувашей, поэтому не смогли полностью ассимилировать местных автохтонов марийцев и сами оказались под их существенным влиянием¹⁰³. Таковую же особенность имела и красночетайская подгруппа, образованная в XVI—XVII вв. в основном выходцами из сундырской подгруппы¹⁰⁴.

Таким образом, по заключениям Л.И. Иванова, межцивильская и выла-волжская подгруппы в процессе своего образования испытали на себе значительное влияние средненизовых чувашей, а сундырская — марийцев. Заметим, что в его небольшой по объему работе, практически отсутствует историографический анализ концепций происхождения групп чувашского народа, значительный пласт информации о возникновении селений *вирьял*, в том числе и на месте марийских жилищ, заимствован из народных преданий.

Однако основные выводы исследователя были поддержаны признанными специалистами по этнографии и этнической истории чувашского народа — П.П. Фокиным, Е.А. Ягафовой и др. Так, Е.А. Ягафова констатировала, что «Л.И. Иванов проследил генетическую связь основных подгрупп верховых чувашей со средненизовыми»¹⁰⁵.

Особенности истории формирования перечисленных подгрупп не могли не отразиться в материальной культуре и языке их представителей.

3.2. Происхождение подгрупп верховых чувашей в свете лингвистических и этнографических данных

Характеризуя особенности языка верховых чувашей, Г.И. Комиссаров заметил, что по своим диалектам *вирьял* юго-восточной подгруппы приближаются к *анат енчи*, средней подгруппы — представляют «обычный чистый вирьяльский выговор». Но основной особенностью языка верховых чувашей северо-западной (сундырской) подгруппы являлось присутствие в нем многих слов марийского происхождения, которые наиболее проявляли себя в с. Малое Карачкино, деревнях Верхние и Нижние Бурнаши Козьмодемьянского уезда Казанской губернии¹⁰⁶.

Ранее Н.И. Ашмарин также отметил, что особенности говоров жителей названных селений обусловлены их пограничным проживанием с марийцами и брачными связями с последними¹⁰⁷. Он же впервые сделал заключение о степени распространения марийского влияния на более обширную территорию ареала чувашского языка: «...черемисское влияние на чувашский язык не идет далеко от черты, разделяющей две народности, и скоро теряется, так что с постепенным удалением от черемисских селений язык делается все более и более близким к “настоящему чувашскому языку”»¹⁰⁸.

Это может означать, что наиболее существенное взаимодействие горных марийцев и чувашей и, соответственно, влияние первых на вторых были в основном в пределах северо-западной или сундырской подгруппы верховых чувашей, где представители двух народов наиболее тесно соседствовали друг с другом. На отдаленных от марийцев территориях проживания чувашей языковое влияние первых было меньшим. Заметим, что в своих умозаключениях, в том числе о связях северо-западных *вирьял* с горными марийцами, Н.И. Ашмарин во многом опирался на результаты собственных наблюдений, сделанных, прежде всего, на рубеже XIX — начала XX в. Следовательно, активное взаимодействие и взаимовлияние названных

чувашей и марийцев продолжалось и в указанный период, а не ограничивалось более ранними временами.

Выводы Н.И. Ашмарина о степени влияния марийского языка на чувашский были развиты в последующих лингвистических исследованиях. В одном из первых трудов по истории чувашского литературного языка В.Г. Егоров отметил присутствие в нем только нескольких десятков слов из разных финских языков, проникших в него в результате многовековых контактов чувашей с финскими народами. При этом большое количество заимствований в чувашский язык проникло из марийского языка (свыше 50 слов), в то время как в последний вошло более 500—600 чувашских слов. Такое соотношение ученый объяснял более сильным культурным воздействием чувашей на марийцев¹⁰⁹. Аналогичные заключения впоследствии были сделаны другими чувашскими лингвистами — М.Ф. Черновым, Н.И. Егоровым и др.¹¹⁰

Наблюдения Н.И. Ашмарина и Г.И. Комиссарова о заметном воздействии марийского языка на северо-западные подгруппы *вирьял* в 1963 г. были подтверждены языковедом Т.Я. Чуркиным, который отметил «отчетливое влияние марийского языка» на северо-западную подгруппу сундырского говора (территория Малокарачклинского и Большекарачклинского сельсоветов) чувашского верхового диалекта¹¹¹. При этом Т.Я. Чуркин, как и позднее Л.И. Иванов, обуславливал марийское языковое влияние на сундырских чувашей тем обстоятельством, что долгое время центром последних был Козьмодемьянский уезд Казанской губернии и экономически они не были связаны с основной массой чувашей¹¹².

В исследованиях, опубликованных в 1973 и 1974 гг., лингвист Г.В. Лукоянов указывал, что основная часть финно-угорских, прежде всего марийских, заимствований в чувашском языке (не менее 389) присутствует в северо-западных говорах чувашского верхового диалекта, носители которых граничат с марийцами¹¹³.

В 1985 г. в статье по чувашской диалектологии и этимологии Н.И. Егоров писал о том, что «сколь угодно заметное влияние марийского этнического и языкового элемента на чувашей прослеживается только в северо-западных районах Чувашской АССР, главным образом, только в Ядринском,

Моргаушском, Чебоксарском, Аликовском и отчасти Красноармейском»¹¹⁴. Следовательно, марийский язык оставил заметный след прежде всего в говорах северо-западной (сундырской) и средней (выла-волжской) подгрупп верховых чувашей, то есть в пределах, где либо на чувашей воздействовал значительный марийский компонент¹¹⁵, либо в источниках XVII в. очень часто упоминается «горная черемиса»¹¹⁶.

В говорах верховых чувашей, проживавших на других территориях, такой след менее заметен. Последнее обстоятельство Н.И. Егоров объяснял тем, что формирование верховых чувашей и их языковой основы началось в XIII—XIV вв. в результате мощной болгарской экспансии на расположенную в междуречье Цивилия и Суры территорию расселения марийских племен. Наиболее сильным, по мнению автора, воздействие болгар на марийцев было в Прициவில்ье, то есть в пределах будущего расселения средненизовых чувашей и юго-восточной (межциவில்ьской) группы верховых. Но по мере продвижения болгарской экспансии на северо-запад присутствие марийских элементов в чувашском языке все более усиливается, «достигая своего апогея в Моргаушско-Сундырском говоре»¹¹⁷.

В изложенном сюжете Н.И. Егоров не дал подробных пояснений, что стало результатом болгарской экспансии на земли Прициவில்ья: миграция марийцев с этой территории или их ассимиляция болгарами, причем настолько сильная, что марийский язык не оставил существенного следа в чувашском языке. Выводы Н.И. Егорова об особенностях формирования говоров подгрупп верховых чувашей уместно прежде всего сопоставить с данными о схожести и различиях элементов материальной культуры каждой такой подгруппы. Еще дореволюционные этнографы обращали внимание в первую очередь на национальный костюм верховых чувашей, особенности которого они могли наблюдать непосредственно. Г.И. Комиссаров дал краткую, но содержательную характеристику мужского и женской одежды *вирьял*, отметил ее схожесть с марийской¹¹⁸.

Ранее С.М. Михайлов в своем «Кратком этнографическом описании чуваш» также уделил внимание женскому костюму чувашей Козьмодемьянского уезда, впервые заключив, что женские головные уборы верховых чувашек ранее были такие же, как у их низовых соплеменниц. Верховые чуваш

«впоследствии времени переняли костюм от черемис, но однако ж у иных и поныне хранятся старинные наряды, такие, какие употребляются у низовых чуваш»¹¹⁹. Этот вывод означал, что предшественником современного С.М. Михайлову женского костюма *вирьял* была чувашская одежда более южного происхождения, имевшая тюркские мотивы. И только позднее названное облачение испытало на себе марийское влияние.

В 1960 г. этнограф Н.И. Гаген-Торн также констатировала значительные параллели в конструкции национальных костюмов *вирьялок* и горных мариек, но согласилась с выводами С.М. Михайлова о близости ранних форм одежды верховых чувашей с одеждой *анат енчи*¹²⁰.

Кроме работ об особенностях костюма, во второй половине XX — начале XXI в. вышло немало исследований, посвященных изучению других элементов материальной и духовной культуры чувашского народа и его этнографических групп: жилищ, традиционного хозяйства, обрядности и т.д.¹²¹

В 2007 г. Е.А. Ягафова провела сравнительно-сопоставительный анализ женского костюмного комплекса, обрядового календаря и брачной обрядности всех групп чувашей и их подгрупп¹²². Она сделала вывод о том, что все три перечисленных этнографических компонента у подгрупп верховых чувашей первоначально были генетически связаны с культурой других подгрупп, но затем претерпели определенные изменения под влиянием внешних факторов. В частности, было констатировано, что женский костюм на северо-западе верховой зоны изменился в процессе тесных чувашско-марийских контактов на данной территории, в результате которых в XVIII — первой половине XIX в. сложился традиционный, хорошо описанный в литературе (Н.И. Гаген-Торн и др.) «*вирьяльский*» костюм¹²³. Однако, по заключению автора, в одежде женщин межцивильской подгруппы сохранилось больше традиционных чувашских черт, совпадающих с аналогичной одеждой северной подгруппы низовых чувашей¹²⁴.

Календарная и свадебная обрядность верховых чувашей, согласно выводам Е.А. Ягафовой, имеет как собственные, чисто *вирьяльские* мотивы, так и элементы, аналогичные календарю и обрядам низовых подгрупп. Первая особенность преоб-

ладает у северо-западной подгруппы, а вторая — у южных и центральных верховых подгрупп¹²⁵.

Итак, последние лингвистические и этнологические исследования в основном подтверждают выводы Л.И. Иванова об особенностях формирования подгрупп верховых чувашей, в том числе наличие заметных влияний: а) марийского — на язык и материальную культуру северо-западной подгруппы *вирьял*, причем это влияние легло на прежний тюркский пласт этой культуры не до XVII в., а значительно позже; б) средне-низовых и низовых чувашей — на такие же компоненты остальных верховых подгрупп.

Соответственно, эти выводы могут свидетельствовать, что как языковую, так и этнокультурную основу большинства верховых чувашей составил тюркский суперстрат.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Итак, изучение происхождения этнографической группы верховых чувашей (*вирьял*), равно как и всего чувашского народа, долгое время проходило в рамках рассмотрения хронологии и результатов этнического взаимодействия в Чувашском Поволжье автохтонного финно-угорского, прежде всего марийского, субстрата и пришлого болгарского суперстрата.

В 1950-х — середине 1960-х гг. в ходе дискуссий сторонников автохтонной (П.Н. Третьяков, Н.И. Воробьев и др.) и болгарской (А.П. Смирнов, В.Д. Димитриев, В.Ф. Каховский и др.) теорий этногенеза чувашей был сделан общий вывод о хронологии формирования названной группы (вторая половина XIV — начало XV — XVI в.), но выдвинуты две разные версии ее генезиса.

1. Восприятие автохтонами, составившими этническую основу *вирьял*, тюрко-болгарского языка, но сохранение ими традиционной материальной культуры (автохтонная школа).

2. Ассимиляция болгарями значительного числа марийцев, что прежде всего привело к формированию верховых чувашей, говоривших на болгаро-чувашском языке, но унаследо-

вавших от ассимилированных племен определенный пласт марийской культуры (болгарская школа).

Таким образом, основным камнем преткновения между сторонниками автохтонной и болгарской теорий стал вопрос о выборе основного этнического признака верховых чувашей: 1) материальная культура, 2) язык.

Преимущественную поддержку и развитие первоначально получила болгарская версия, но в ее трактовке наблюдались определенные противоречия из-за отсутствия теоретического обоснования и широкой трактовки дефиниции «ассимиляция».

Попыткой преодоления таких недомолвок стала выдвинутая и теоретически обоснованная Ю.А. Красновым версия органического синтеза меньшего по численности, но более развитого болгарского суперстрата и большего по численности марийского субстрата, в результате чего сформировался чувашский народ и его верховая группа, имевшие тюркский язык, но значительный компонент марийской культуры. Обоснованность этой концепции была признана многими специалистами, в том числе фактически и сторонниками болгарской теории, хотя и не заставила последних полностью отказаться от термина «ассимиляция» при характеристике взаимодействия субстрата и суперстрата.

Однако утверждение Ю.А. Краснова о многочисленности субстрата в Чувашском Поволжье в период формирования верховых чувашей вступило в противоречие со сделанными во второй половине 1980-х гг. выводами марийских ученых (Д.Е. Казанцева и др.) о массовой миграции марийцев в XIV—XVII вв. с правого берега Волги на ее левый берег.

Эта версия получила поддержку других исследователей (М.Р. Федотова, А.В. Савельева), что вновь актуализировало проблему количественного и качественного влияния марийского этнического компонента на формирование верховых чувашей.

Последние по времени ответы на вопросы о влиянии того или иного фактора на рассматриваемый процесс были даны в вышедших на рубеже XX—XXI вв. работах, затронувших историю складывания четырех подгрупп верховых чувашей, их этнографические и диалектные особенности. Историк и краевед Л.И. Иванов, лингвист Н.И. Егоров, этнограф Е.А. Ягафова и др.

пришли к заключению, что главную роль в генезисе этих подгрупп сыграл болгарский суперстрат, мигрировавший в XV—XVI вв. на территорию формирования *вирьял* из северо-восточной и юго-восточной частей Чувашского Поволжья, где располагалась средненизовая (*анат енчи*) и низовая (*анатри*) этнографические группы. Одним из результатов этого движения, по мнению Л.И. Иванова, стала ассимиляция или вытеснение автохтонного марийского населения с основной территории проживания верховых чувашей, прежде всего, из пределов средней (выла-волжской) и юго-восточной (межцивильской) подгрупп. Марийское языковое и культурное влияние оказало сильное воздействие только на северо-западную (сундырскую) подгруппу *вирьял*. При этом Е.А. Ягафова особо отметила, что это влияние легло на пласт древней чувашской (тюрко-болгарской) культуры не в XVI в., когда сложилась северо-западная подгруппа, а сравнительно поздно — в XVIII—XIX вв., в результате длительных и тесных контактов сундырских чувашей с горными марийцами. Она же заключила, что верховые чуваше имеют генетическую связь с *анат енчи* и *анатри*, то есть все три группы чувашского народа связаны единством своего происхождения, которое имеет тюрко-болгарские истоки.

Можно констатировать, что результаты изучения этнической истории *вирьял* сквозь призму анализа историко-географических, этнографических и других особенностей их территориальных подгрупп являются успешными, но отнюдь не исчерпывающими.

Для наиболее полного рассмотрения особенностей генезиса, формирования и развития верховых чувашей как отдельной этнографической группы необходимо создание специального междисциплинарного исследования с дальнейшим развитием следующих сюжетов:

1. Более подробное изучение формирования как общей территории компактного проживания верховых чувашей, так и каждой их подгруппы, приведением всей совокупности источниковых данных (археологических, устных, документальных) по истории формирования селений, фактов переселения в пределы *вирьял* представителей других этнографических групп чувашей.

2. Окончательное определение хронологии формирования каждой верховой подгруппы.

3. Подробное рассмотрение вопросов о судьбе марийского населения, проживавшего в северных и центральных частях Чувашского Поволжья до прихода в XIV—XV вв. болгарского суперстрата. Подверглись ли марийцы полной ассимиляции болгарами или были вытеснены последними? Если эти процессы действительно происходили, то как мигранты-болгары, которые были разорены и ослаблены ордынскими погромами, могли ассимилировать марийские племена? Была ли марийская миграция обусловлена другими обстоятельствами, например, стремлением избежать повинностей, налагаемых Русским государством? Кто были «горные черемисы», которые часто упоминались в русских источниках XVI—XVII вв. как жители уездов Чувашского Поволжья: марийцами или же под этим названием подразумевались чувашаи? Все изложенные вопросы часто были предметами спора исследователей, поэтому обоснованные ответы на них имеют несомненную актуальность.

4. Проведение более подробного, чем это сделано сейчас, анализа этнографического и языкового воздействия марийского этноса как на верховых чувашей, так и на другие этнографические группы чувашского народа.

Необходимыми условиями для проведения таких исследований являются: 1) исчерпывающий сбор и разработка всех типов источников: археологических, этнографических, лингвистических, устных, письменных; 2) теоретическое обоснование применяемых дефиниций: «ассимиляция», «языковое воздействие», объяснение механизма их действий; 3) полный историографический анализ каждой изучаемой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Васильев И.* Что такое субэтнос // Вопросы национализма. 2015. № 1 (21). С. 171.
- ² *Брук С.И.* Этнографическая группа // Советская историческая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1976. Т. 16. Чжан Вень-Тянь — Яштук. Стб. 641.
- ³ См., например: *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 83—84, 305.
- ⁴ Татары / отв. ред. Г.Ф. Габдрахманова, В.В. Трепавлов, Р.К. Уразманова. М.: Наука, 2017. С. 27.
- ⁵ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. С. 5—7, 131—139 и др.
- ⁶ Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья / В.П. Иванов, П.П. Фокин, А.А. Трофимов, Г.Б. Матвеев, М.Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1993. С. 47.
- ⁷ Там же; *Ягафова Е.А.* Чуваша Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII—XX вв.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 32.
- ⁸ См., например: Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 47—49; Чуваша: история и культура. Т. 1 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 148—153.
- ⁹ *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императ. Акад. наук, 1773. Ч. 1. С. 145.
- ¹⁰ Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 47; *Ягафова Е.А.* Чуваша Урало-Поволжья... С. 32.
- ¹¹ *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. Автобиография. Статьи и корреспонденции. Публикация документов. Очерки и рассказы. Фольклорные записи. Письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 53, 107—108.
- ¹² *Комиссаров Г.* Чуваша Казанского Заволжья // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань: Тип. Казан. императ. ун-та, 1911. Т. 27, вып. 5. С. 331—341, 345—347 и др.
- ¹³ Там же. С. 332, 341—345 и др.
- ¹⁴ Там же. С. 331—341.
- ¹⁵ *Матвеев Т.М.* Краткий обзор чувашских диалектов (Опыт районирования) // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. Вып. 1. С. 24.
- ¹⁶ Более подробный обзор дореволюционной литературы о чувашах см., например: Чуваша. Этнографическое исследование / Н.И. Воробьев, А.Н. Львова, Н.Р. Романов, А.Н. Симонова. Ч. 1. Материальная культура. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. С. 14—17.
- ¹⁷ Советская этнография. 1950. № 3. С. 44—106.
- ¹⁸ О происхождении чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. 132 с.
- ¹⁹ Подробнее о двухкомпонентном этногенезе сформировавшихся в его ходе народов, роли субстрата и суперстрата в нем см., например: *Алексеев В.П., Бромлей Ю.В.* К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // Советская этнография. 1968. № 2. С. 35—45.
- ²⁰ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. С. 49—74.

²¹ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 5—43.

²² *Иванов В.П.* Чувашский этнос. Проблемы истории и этногеографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. С. 3—16.

²³ См., например: Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 47—54; Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 148—162; *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 32—173; Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. М.: Наука, 2017. С. 87—99 и др.; Этнография чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 33—40 и др.

²⁴ *Галкин И.С.* Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа // Происхождение марийского народа: Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории (23—25 декабря 1965 г.). Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1967. С. 208—209; см. также: *Сенева Г.А.* История расселения марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. С. 41.

²⁵ *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / под ред. И.С. Галкина. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. С. 11—12; см. также: *Его же.* Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии // Советское финно-угроведение. 1979. № 2. С. 134.

²⁶ *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. С. 12—19.

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ См., например: *Смирнов А.П.* Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск: Горно-Марийск. филиал Марийск. гос. изд-ва, 1949. С. 63—80; *Его же.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Вып. 28. С. 78, 110, 138, 161—174; *Его же.* Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа // О происхождении чувашского народа. С. 19; *Его же.* Древнейшее население на территории Чувашии (Первобытнообщинный строй) // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. I. С. 30—48, 45; *Его же.* Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья / Казань: Гос. музей Татар. АССР, 1957. С. 14—15; *Его же.* Чувашская археологическая экспедиция 1956 года // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. Вып. XVI. С. 35—46; *Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1972. С. 10; *Их же.* Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Там же. С. 159; *Архипов Г.А.* Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н.э.) // Происхождение марийского народа. С. 36—52; *Его же.* К вопросу об этногенезе марийцев // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. М.: Наука, 1968. Вып. 113. Средневековые памятники Восточной Европы. С. 41—46; *Его же.* Марийцы IX—XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1973. С. 4—10, 86—112; *Его же.* К вопросу о городцеко-азелинских контактах в связи с проблемой происхождения марийцев // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1976. С. 27—37 (Археология и этнография Марийского края; вып. I); *Михайлов Е.П.* Из истории изучения

памятников городецкой культуры на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1995. С. 51—64.

²⁹ *Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху Средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. С. 194—199, 209—215, 366.

³⁰ *Третьяков П.Н.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. С. 58—63, 65, 69—70; *Его же.* Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных // Советская этнография. 1950. № 3. С. 48—50.

³¹ *Третьяков П.Н.* Вопрос о происхождении чувашского народа... С. 50.

³² *Смирнов А.П.* Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания). Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. С. 23; *Его же.* Волжские булгары. М.: Издание Гос. ист. музея, 1951. С. 5 (Труды Гос. ист. музея; вып. XIX).

³³ Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. I. С. 34.

³⁴ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. С. 102—103; см. также: *Его же.* К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Вып. XIV. С. 173; *Его же.* О происхождении чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. I. С. 57; *Димитриев В.Д., Паньков И.П.* Население Чувашского Поволжья в составе Болгарского государства // Там же. С. 82—83.

³⁵ *Смирнов А.П.* Археологические памятники Чувашии... С. 24—25.

³⁶ *Смирнов А.П.* Чувашская археологическая экспедиция 1956 года. С. 43—44. Отметим, что в том же 1958 г. вышла статья А.П. Смирнова, по-видимому, написанная в более ранние годы, в которой он придерживался прежней версии о том, что северная часть Чувашии «являлась периферией Булгарского государства», что часть памятников северо-западной части Чувашии «весьма близка памятникам левобережья Волги, связываемым с марийцами. Может быть, близость культуры верховых чувашей с марийской, наблюдаемая этнографами, складывалась уже в то время» (*Смирнов А.П.* Древнейшее население на территории Чувашии... С. 45); Железный век Чувашского Поволжья. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 138 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 95).

³⁷ *Смирнов А.П.* Археологические памятники Чувашии... С. 24; *Его же.* Чувашская археологическая экспедиция 1956 года. С. 43; *Его же.* Железный век Чувашского Поволжья. С. 138—140; Археологические исследования в Чувашии в 1958—1959 гг. // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958—1961 годах. Чебоксары: ЧНИИ, 1964. С. 26—27 (Ученые записки / ЧНИИ; вып. XXV); см. также: *Трубникова Н.В.* О работах 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции 1956 года // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1958. Вып. XVI. С. 234—237, 246—258.

³⁸ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. С. 329—338; *Его же.* Волжская Болгария и формирование чувашской народности // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 81—82; см. также: *Его же.* Клад джучидских монет близ деревни Нимичкасы Красноармейского района Чувашской АССР // Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 96—149 (Ученые записки / ЧНИИ; вып. XIX); *Его же.* Итоги работ IV (III) отряда Чувашской археологической экспедиции за 1958 и 1959 гг. // Археологические исследования в Чувашии в 1958—

1959 г. С. 49—54; *Смирнов А.П., Каховский В.Ф.* Булгарское селище вблизи деревни Большое Янгильдино в Чувашской АССР // Там же. С. 223—263.

³⁹ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. С. 338, 378, 381—382; *Его же.* Волжская Болгария и формирование чувашской народности. С. 82.

⁴⁰ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. С. 381—382.

⁴¹ *Смирнов А.П.* Чувашская археологическая экспедиция 1956 года. С. 44; *Его же.* Железный век Чувашского Поволжья. С. 140.

⁴² История Чувашской АССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. С. 42.

⁴³ *Хлебникова Т.А.* Археологические памятники XIII—XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. С. 85—90; *Фахрутдинов Р.Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: АН СССР. Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова, 1971. С. 177—194 (Археология и этнография Татарии. Вып. 1); *Его же.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. С. 37—42, 61—62, 66.

⁴⁴ *Фахрутдинов Р.Г.* О степени заселенности... С. 201.

⁴⁵ *Краснов Ю.А.* Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // Советская археология. 1974. № 3. С. 119—120.

⁴⁶ *Хузин Ф.Ш.* О некоторых проблемах болгарской археологии в аспекте этногенеза чувашского народа // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: материалы научного семинара (Чебоксары, 13 апреля 2011 г.) / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 39—41 (Тюркские племена и государства Евразии в древности и в Средние века; вып. 1); *Михайлов Е.П., Березина Н.С., Мясников Н.С.* Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения // Итоговые научные сессии 2015—2018 годов / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 219—220.

⁴⁷ См., например: *Каховский В.Ф., Смирнов А.П.* Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш... С. 115—166; *Каховский В.Ф.* Новые археологические памятники Чувашского Присурья // Исследования по археологии Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1978. С. 17—18 (Труды ЧНИИ; вып. 80); *Его же.* Археология Волжской Болгарии и вопросы этногенеза чувашской народности // Болгары и чуваша: ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 58—75; *Его же.* Булгарские памятники на территории Чувашии // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье... С. 3—30.

⁴⁸ *Димитриев В.Д.* Опустошение Болгарской земли в конце XIV — начале XV веков // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья / сост. Ю.П. Смирнов (отв. ред.), А.В. Арсентьева, А.В. Выйкин, П.В. Денисов, В.Д. Димитриев, Т.С. Сергеев. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 1997. С. 7—40; *Его же.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. С. 77—103; см. также: *Его же.* К вопросу о заселении... С. 173—174; *Его же.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа. С. 104; *Его же.* О происхождении чувашского народа. С. 58—59; *Его же.* О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваша. С. 35—36; *Его же.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX в.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 13, 294—295.

- ⁴⁹ *Димитриев В.Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 39; *Его же.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. С. 77, 97.
- ⁵⁰ Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 50.
- ⁵¹ *Иванов В.П.* Чувашский этнос. С. 109.
- ⁵² Чуваша: история и культура. Т. 1. С. 77—78, 149.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *Третьяков П.Н.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. С. 69—70.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Третьяков П.Н.* Вопрос о происхождении чувашского народа... С. 49.
- ⁵⁷ *Воробьев И.Н.* Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 67—68.
- ⁵⁸ Там же. С. 75.
- ⁵⁹ *Третьяков П.Н.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. С. 70; *Его же.* Вопрос о происхождении чувашского народа... С. 48—49; *Воробьев И.Н.* Этногенез чувашского народа по данным этнографии. С. 68.
- ⁶⁰ *Андреев Н.А.* Данные языка к вопросу о происхождении чуваш // О происхождении чувашского народа. С. 64.
- ⁶¹ Там же. С. 64.
- ⁶² *Денисов П.В.* Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского народа // О происхождении чувашского народа. С. 94—95.
- ⁶³ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа... С. 103.
- ⁶⁴ Там же. С. 104—105.
- ⁶⁵ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. С. 338, 378, 381—382.
- ⁶⁶ *Димитриев В.Д.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1964. Вып. XXVII. С. 119—120, 127.
- ⁶⁷ Там же. С. 131. В 1965 г. изложенные выводы В.Д. Димитриева были поддержаны известным марийским историком Г.Н. Айплатовым (*Айплатов Г.Н.* Расселение марийцев во второй половине XVI — начале XVII вв. // Происхождение марийского народа. С. 142).
- ⁶⁸ *Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ 1945—1952 гг. Казань: Таткнигоиздат, 1954. С. 52, 107 (Труды Казанского филиала АН СССР. Серия: исторические науки); *Фахрутдинов Р.Г.* О степени заселенности булгарами территории современной Чувашской АССР. С. 201.
- ⁶⁹ *Козлова К.И.* Об этнических связях чувашей и марийцев // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1958. № 4. С. 163.
- ⁷⁰ *Козлова К.И.* Этногенез и этнические связи марийцев по данным этнографии // Происхождение марийского народа. С. 117, 291.
- ⁷¹ *Токарев С.А.* Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 164.
- ⁷² См., например: Работы Чебоксарской экспедиции / Г.А. Архипов, И.С. Вайнер, В.Ф. Каховский и др. // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 175—176; Работы Чебоксарской экспедиции / И.С. Вайнер, Р.Ф. Воронина, В.Ф. Каховский и др. // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 162—163; *Каховский В.Ф.* Исследование языческого могильника близ д. Верхние Ачаки Ядринского района // Вопросы археологии

и антропологии Чувашии. Чебоксары: ЧНИИ, 1991. С. 3—20; *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI — начало XVIII в.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. С. 85—92 и др.; *Степанова А.А.* Чувашско-марийские этнокультурные параллели в период позднего средневековья (По археологическим и этнографическим данным об украшениях) // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 51—63; *Краснов С.А.* Погребальный обряд населения Чувашского Поволжья в позднем средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ (IV Халиковские чтения): материалы научной конференции, посвященной 50-летию Марийской археологической экспедиции (Юрино, 5—10 августа 2006 г.). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 274—278; *Федулов М.И.* Этнокультурные параллели в погребальном обряде чувашей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 53—60.

⁷³ *Краснов Ю.А.* Проблема происхождения чувашского народа... С. 123.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ *Казанцев Д.Е.* Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1985. С. 107.

⁷⁶ *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI — начало XVIII вв.)... С. 93.

⁷⁷ *Димитриев В.Д.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 43—44.

⁷⁸ *Димитриев В.Д.* Опустошение Болгарской земли в конце XIV — начале XV веков. С. 38—39.

⁷⁹ *Каховский В.Ф.* Исследование языческого могильника... С. 20; ср.: *Степанова А.А.* Чувашско-марийские этнокультурные параллели... С. 63; *Федулов М.И.* Этнокультурные параллели в погребальном обряде чувашей... С. 60.

⁸⁰ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. С. 97.

⁸¹ Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 50.

⁸² Там же. С. 38.

⁸³ Там же. С. 50.

⁸⁴ Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. I. С. 34—35.

⁸⁵ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа. С. 104—105; *Его же.* О происхождении чувашского народа. С. 59; *Его же.* О последних этапах этногенеза чувашей. С. 39; *Его же.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. С. 97.

⁸⁶ *Казанцев Д.Е.* Формирование диалектов марийского языка. С. 107—113.

⁸⁷ Там же. С. 113.

⁸⁸ *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI — начало XVIII вв.)... С. 92—93.

⁸⁹ *Сенеев Г.А.* История расселения марийцев. С. 44, 50.

⁹⁰ Там же. С. 62.

⁹¹ *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. С. 29.

⁹² Там же. С. 28.

⁹³ *Савельев А.В.* К уточнению сценария чувашско-марийских контактов // URL: https://iling-ran.ru/savelyev/2018_chuvash_mari.pdf (дата обращения: 03.06.2021).

⁹⁴ Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. I. С. 35.

⁹⁵ *Димитриев В.Д.* Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа. С. 102—103; *Его же.* К вопросу о заселении... С. 173—174.

⁹⁶ *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Чебоксары:

Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 31—32, 53—66, 67—68, 73, 75—78, 83—86, 88, 90—92, 110, 126, 149—155 и др.; см. также: *Его же*. Чувашияские исторические предания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. Ч. 1. О жизни и борьбе народа с древних времен до середины XVI века. 110 с.; 1986. Ч. 2. О жизни и борьбе народных масс со второй половины XVI столетия до середины XIX века. 141 с.; 1988. Ч. 3. О расселении чувашей в XVI—XIX веках. 112 с.

⁹⁷ *Димитриев В.Д.* Чувашияские исторические предания. Очерки истории чувашского народа... С. 67.

⁹⁸ *Иванов Л.И.* Формирование этнографических групп и подгрупп чувашей (на территории Чувашии). Краеведческое исследование. Чебоксары: Чуваш. нац. академия; ЧНИИ, 1992. С. 5.

⁹⁹ Там же. С. 28—31.

¹⁰⁰ Там же. С. 45.

¹⁰¹ Там же. С. 40.

¹⁰² Там же. С. 31—40.

¹⁰³ Там же. С. 49—57.

¹⁰⁴ Там же. С. 49.

¹⁰⁵ *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья. С. 35; см. также: Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 49.

¹⁰⁶ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья. С. 340—341.

¹⁰⁷ *Ашмарин Н.И.* Опыт исследования чувашского синтаксиса. Казань: Тип. В.М. Ключникова, 1903. Ч. I. С. VI—VII; *Его же*. Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Тип. Казан. императ. ун-та, 1898. Ч. I. Учение о звуках (фонетика). Ч. II. Учение о формах (морфология). С. 344—345.

¹⁰⁸ *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. С. 344.

¹⁰⁹ *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1954. Ч. I. С. 121—122.

¹¹⁰ Современный литературный чувашский язык. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. Т. I. С. 141—142.

¹¹¹ *Чуркин Т.Я.* Из наблюдений над чувашскими говорами Сундырского района Чувашской АССР // Тюркологические исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 162, 172.

¹¹² Там же. С. 168; *Иванов Л.И.* Формирование этнографических групп и подгрупп чувашей. С. 57.

¹¹³ *Лукоянов Г.В.* Мариизмы в говорах верхового диалекта чувашского языка // Диалекты и топонимика Поволжья (материалы и сообщения). Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 1973. Вып. 2. С. 101—115; *Его же*. Марийские заимствования в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. С. 90 и др.

¹¹⁴ *Егоров Н.И.* Чувашияская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. М.: Наука, 1985. С. 59.

¹¹⁵ *Иванов Л.И.* Формирование этнографических групп и подгрупп чувашей. С. 57.

¹¹⁶ См., например: Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. Т. I. Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII — XVIII века / сост. А.А. Чибис. № 4, 11, 18, 19, 22, 24, 27, 31, 35, 36, 39, 40, 42, 44, 45, 49, 53, 66, 67, 68, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 82, 84, 90, 92, 94, 99, 118, 125, 127, 131, 133, 135, 137, 138, 139, 143, 147, 148, 150, 153, 156, 157, 158, 163, 169, 170, 172/II,

177, 180, 184, 186, 187, 188, 189, 191, 193, 195, 194, 197, 199—201, 206, 207, 208, 212, 213, 218, 224, 226, 228, 229, 231, 260, 261, 270, 274, 281, 285, 289, 294, 297, 303, 304, 307, 309, 310, 312, 313, 315—321, 326, 327, 330/II, 332, 333, 337, 338, 339, 341, 342, 349, 356, 358, 360-362, 364, 366, 368.

¹¹⁷ *Егоров Н.И.* Чувашская диалектология и этимология. С. 60; Современный литературный чувашский язык. Т. I. С. 141.

¹¹⁸ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья. С. 334—337.

¹¹⁹ *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 105.

¹²⁰ *Гаген-Торн Н.* Женская одежда народов Поволжья (Материалы к этногенезу). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 52.

¹²¹ См., например: *Денисов П.В.* Этнографическое изучение чувашского народа за годы советской власти // Советская этнография. 1971. № 6. Ноябрь—декабрь. С. 28—37; *Матвеев Г.Б.* Историография изучения материальной культуры чувашского народа (советский период) // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1985. С. 101—123; Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. С. 78—268; Чуваши: история и культура. Т. 1. С. 7—24 и др.; *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 18—22; Чуваши. С. 151—555; Этнография чувашского народа. С. 81—334.

¹²² *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья... С. 32—173.

¹²³ Там же. С. 46—47, 77, 166, 355.

¹²⁴ Там же. С. 77.

¹²⁵ Там же. С. 111, 161.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Хронология расселения в Чувашском Поволжье волжских болгар и начальный этап формирования группы верховых чувашей	
1.1. Постановка проблемы	6
1.2. Дискуссия о начальном этапе расселения болгар в Чувашском Поволжье	7
II. Взаимодействие тюркского суперстрата и финно-угорского субстрата: оценка результатов	
2.1. Воздействие суперстрата на субстрат: культурно-языковое влияние или ассимиляция?	11
2.2. Версия «органического синтеза» финно-угорского субстрата и тюрко-болгарского суперстрата	15
2.3. Вопрос о степени влияния миграции марийского субстрата на особенности формирования верховых чувашей	18
III. Образование территориальных подгрупп верховых чувашей	
3.1. История формирования территории	20
3.2. Происхождение подгрупп верховых чувашей в свете лингвистических и этнографических данных	23
Итоги и перспективы изучения (вместо заключения) . . .	27
Литература и примечания	31

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 34

ЧИБИС Александр Алексеевич

**Верховые чувашки:
некоторые итоги
и задачи изучения**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2021 год

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Л.Н. Сачкова*
Верстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано к печати 26.01.2022. Формат 60×84¹/₁₆.

Печать оперативная. Бумага офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,32. Уч.-изд. л. 2,0.

Заказ № 2. Тираж 50 экз.

Отпечатано в РИО БНУ ЧР

«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1